

МАМОНОВ — СПЕКТАКЛЬ. ЕЩЕ ДО ГРИШКОВЦА

«Шоколадный Пушкин». Автор и исполнитель — Петр Мамонов. Театр им. Станиславского

Мамонов — пионер современного русского моноспектакля. Придумал, исполнил, право смеяться и плакать предоставил зрителю, для которого (и от которого) он бережет себя в глухой деревне под Вереей. Толпы людей, скупающие билеты на все его спектакли, в театры обычно не ходят и «Звуки МУ» середины восьмидесятых помнят не очень. Но все откуда-то знают, что Мамонов — настоящий и ни на кого не похож. А ради такого можно хоть на край света пойти.

Как бы спектакль ни назывался — «Лысый брюнет», «Полковнику никто не пишет», «Есть ли жизнь на Марсе?» или «Шоколадный Пушкин», суть будет одна: на сцену выйдет Петр Николаевич Мамонов и сыграет самого себя. В **Н О В О М**

Петр Мамонов

спектакле, название которого, как всегда, не имеет никакого отношения к происходящему, все по-прежнему. В застиранной защитного цвета футболке, серых брюках и с гитарой за спиной музыкант прочтет свой странный, неритмичный рэп о подворотнях и закрытых пивных ларьках. И быт восьмидесятых будет важен не социальным узнаванием, а пронзительно-острым ощущением окружающего пространства, описанным пятидесятилетним ребенком.

Он среди ночи проснется/ Закурит папиросу/ Он он он/ Огонь загорится между пальцев и погаснет/ И станет еще темнее...

Феномен Гришковца случился сильно после того, как Петр Николаевич вышел на сцену Театра Станиславского. Их невозможно сравнивать, но благодаря им обоим вдруг выросла традиция жанра. Жанра как будто импровизационного и очень личного рассказа о себе.

Иногда мне говорят: / А ведь у вас есть друзья/ Я говорю/ Какие друзья/ Те, кто пил, бросил и помер, а других нет...

В первых спектаклях Мамонова еще были декорации и даже какие-то люди, подававшие реплики, но, поскольку изначально и те и другие были рудиментом, исчезли быстро. Мамонов остался, как всегда, один.

А что, похмелье — это, между прочим, очень приятная вещь/ Особенно если знаешь, что сейчас выпьешь/ Ночью, конечно, чувствуешь изгиб.

Мамоновская самобытность ценится устойчивым до однообразия стилем. Стиль этот не всегда понимается правильно. Быковатый молодой человек, ведя девушку в зал, говорит ей: «Вот увидишь, ты беспрерывно будешь смеяться». Что смешного пусть в театральном, но шаманстве, во время которого человека плющит по полной (зимой к финалу спектакля «Есть ли жизнь на Марсе?» за сцену приехала «скорая»), я понимаю слабо.

Это не так просто/ Вдаль убежать/ Затаиться в кустах ваших взглядов/ Притворившись, что я ни при чем.

Молча стоять, уставившись в одну точку, глядя в потолок через тонкие очки, у Мамонова получается даже лучше, чем хрипеть, стонать и корчиться. Видимо, это уже следующая, более совершенная ступень вхождения и введения в транс. Благодаря которому в Театр Станиславского еще долго не зарастет народная тропа и будет держаться репутация продвинутого места.

Вряд ли случайно переулком рядом с театром называется Мамоновским.